

*С. Л. Фирсов**

**«ЕСЛИ МЫ ХОТИМ РОССИИ»:
ВОСПРИЯТИЕ РОССИИ
В ЭМИГРАНТСКОЙ ПУБЛИЦИСТИКЕ ИВАНА ШМЕЛЁВА****

Статья посвящена анализу публицистических работ идейного противника большевизма — русского писателя Ивана Сергеевича Шмелёва. На его примере автор пытается показать, что принципиально отличало непримиримых критиков Советской власти от тех представителей русской эмиграции, кто пытался найти путь к примирению. И. С. Шмелёв, по мнению автора, был не столько политическим публицистом, сколько «певцом» любви к Родине, не имевшим сил и желания примиряться с «новым миром». Его жизнь как публициста оказалась жизнью трагической, он не нашел в себе сил победить всепоглощающую неприязнь «к Советам». Однако именно этим И. С. Шмелёв-публицист и интересен, поскольку помогает лучше понять, кто и как противостоял просоветски настроенным деятелям русской эмиграции, видевшими то, что не мог и не хотел увидеть этот «художник обездоленных».

Ключевые слова: Иван Сергеевич Шмелёв, Россия, Родина, Бог, вера, история, возрождение, Белое дело, большевизм, безбожие, Советская власть.

S. L. Firsov

«IF WE WANT RUSSIA»:

PERCEPTION OF RUSSIA IN THE ÉMIGRÉ JOURNALISM OF IVAN SHMELEV

The article is devoted to the analysis of publicistic works of the ideological enemy of Bolshevism — the Russian writer Ivan Sergeevich Shmelev. Using his example, the author tries to show what fundamentally distinguished the irreconcilable critics of Soviet power from those representatives of the Russian emigration who tried to find a way to reconciliation. I. S. Shmelev, according to the author, was not so much a political publicist as a «singer» of

* Фирсов Сергей Львович, доктор исторических наук, профессор кафедры ЮНЕСКО, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена; sfirsofff@mail.ru

** Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-011-00783 «Социально-философская и политическая просоветская мысль первой волны эмиграции русского зарубежья в периодических изданиях 20–50-х гг. XX века».

love for the Motherland, who did not have the strength and desire to come to terms with the «new world». His life — as a publicist — turned out to be a tragic life, he did not find the strength to defeat the all-consuming hostility «to the Soviets». However, this is precisely why I. S. Shmelev the publicist is interesting, since it helps to better understand who and how opposed the pro-Soviet leaders of the Russian emigration, who saw what this «artist of the disadvantaged» could not and did not want to see.

Keywords: Ivan Sergeevich Shmelev, Russia, Motherland, God, faith, history, revival, White Cause (Beloye Delo), Bolshevism, godlessness, Soviet power.

30 января 1918 г., когда большевики только пытались отстоять свое право стать во главе российского государственного корабля, Александр Блок написал своих знаменитых «Скифов». В стихотворении, ставшем пророческим, были и такие строки:

Россия — Сфинкс! Ликуя и скорбя,
И обливаясь черной кровью,
Она глядит, глядит, глядит в тебя
И с ненавистью, и с любовью!..
Да, так любить, как любит наша кровь,
Никто из вас давно не любит!
Забыли вы, что в мире есть любовь,
Которая и жжет, и губит! [1, с. 527]

Можно ли любить с ненавистью? Вопрос, понятно, риторический. Любить можно по-разному. Иногда ненависть даже «взгревает» любовь, заставляя понять то, что ранее только казалось ценным, сущностным, но оценивалось как само собою разумеющееся, естественное. Глобальные социальные пертурбации заставляют думающего человека переосмысливать прошлое, вселяя, порой наивную, надежду на будущее, которое преодолет «проклятое настоящее». Таким думающим человеком, безусловно, был Иван Сергеевич Шмелёв (1892–1950), русский писатель, имевший всемирную славу и даже дважды выдвигавшийся номинантом на Нобелевскую премию по литературе (в 1931 и в 1932 гг.). Он был безусловным противником большевизма, бескомпромиссным обличителем «времени безбожного и бесчеловечного», апологетом «прошлой России». Насколько же корректно, занимаясь анализом просоветской эмигрантской публицистики, специально писать об Иване Шмелёве?

Полагаю, — вполне корректно, ибо для того, чтобы лучше понять восторженных адептов «нового мира» следует обратить внимание и на тех их современников, кто придерживался диаметрально противоположных убеждений, кто выступал певцом «потерянной» и «загубленной» России, не имея сил преодолеть отторжение, даже ненависть к России советской. Тем более, что любовь к Родине, к ее «душе» не могла не содействовать, хотел этого ненавидящий ее «большевистское бытие» или нет, утверждению чаемого идеала, — пусть и в мечтах. В конце концов, для верующего (а И. С. Шмелёв был истовым и искренним православным христианином) не могли не быть значимыми слова Апостола Павла, утверждающего: «Любовь долготерпит, милосердствует, любовь не завидует, любовь не превозносится, не гордится, не бесчинствует, не ищет своего, не раздражается, не мыслит зла, не радуется

неправде, а сорадуется истине; всё покрывает, всему верит, всего надеется, всё переносит. Любовь никогда не перестает, хотя и пророчества прекратятся, и языки умолкнут, и знание упразднится» (Кор. 13: 4–8).

Любая политическая система за время своего исторического существования подвергается разного рода трансформациям и мутациям, претерпевает изменения (иногда — весьма существенные). Изменялась и советская система, к концу сталинского периода скорее напоминавшая современникам имперскую Россию (хотя и облаченную в коммунистические одежды), чем «коминтерновскую совдепию» 1920-х гг. Однако для И. С. Шмелёва советская власть продолжала восприниматься, как и прежде, как власть насильников, захвативших его Россию. Даже после победоносного окончания войны с Германией в письме близкой своей знакомой Ольге Бредиус-Субботиной, страстно желавшей вернуться на Родину, он с горечью восклицал:

Нет России!.. Бойня и каторга. Ничего не переменялось... М[ожет] б[ыть], еще хуже. Обман и ложь бесовская. <...> И нечего утешаться, что Россия собрана: всё может разлететься! — дымом удушливым. <...> Такой России мне не надо. Что толку! Земля-то? мне важно, кто на ней, и — как на ней [3, с. 402].

Это была грустная констатация неверия писателя в творческие силы коммунистической диктатуры, сумевшей одолеть жестокого врага и отстоявшей страну в условиях беспримерной в истории России войны. Но, парадоксальным образом, его неверие было следствием глубокой веры в возрождение Родины, в воссоздание того, что единомышленник писателя — политик и церковный историк, как и он, эмигрант, А. В. Карташёв однажды назвал «воссозданием Святой Руси». Суть «воссоздания» сводилась к тому, что будущее государство должно быть пропитано христианским мировоззрением. Православная Церковь и правовая христианская государственность виделись А. В. Карташёву тем фундаментом, на котором возможно становление новой России. Подобных взглядов придерживался и И. С. Шмелёв, покрывая упованием эмигрантское уныние. Шмелёвское видение России еще в середине 1930-х гг. достаточно точно и жестко определила Тэффи, в письме к И. А. Бунину характеризующее собственное переживание, «когда снится Россия». «Видишь нечто хамское, но свое. И стыдно и сла-до-стно (тон Шмелёва)» [11, с. 399].

Как политический публицист И. С. Шмелёв был практически неизвестен в Советской России, вообще о нем предпочитали говорить немного, лишь «по случаю». Разумеется, его имя упоминалось в Большой советской энциклопедии (во всех трех ее изданиях), небольшая статья имела и в Энциклопедическом словаре Гранат (за 1932 г.). Внимательный читатель без труда мог понять, что отношение официальных советских властей к писателю — весьма определенное. Наиболее корректная его характеристика содержалась лишь в «Гранате». Там указывалось, что И. С. Шмелёв, «художник обездоленных, не понявший и не принявший революции», перешел в лагерь эмигрантов, и в результате

лишенный почвы, потерявший единственного сына в эпоху гражданской войны, потерявший родину и смысл существования, Ш[мелёв] пишет ряд рассказов о таких же потерянных людях, обиженных революцией, о разрухе и голоде,

о гражданской войне, пишет чрезвычайно озлобленно, доходя до пасквиля [6, стб. 298].

Автор статьи ни словом не упоминает о том, что И. С. Шмелёв писал не только рассказы, «доходя до пасквиля», но также яркие антибольшевистские статьи. Причины того, почему писатель не понял и не принял революции, в «Гранате» не выясняются, хотя в статье об И. С. Шмелёве дается отсылка к 11-му тому энциклопедии, в котором помещался биобиблиографический указатель новейшей русской беллетристики, составленный еще в 1910-е гг. В этом томе, перепечатанном в первой половине 1920-х гг., имелась краткая автобиографическая справка о писателе, из которой следовало: он родился «в купеческой семье, происходящ[ей] из государствен[ых] крестьян Москов[ской] губ[ернии]» [20, стб. 733].

Последнее обстоятельство следует особо отметить: И. С. Шмелёв никогда не забывал о том, что его отец сумел «выбиться в люди» из крестьян. Но официальная советская историография предпочитала подчеркивать иное: в первом издании Большой советской энциклопедии, в 1933 г., указывалось, что писатель — «выходец из торговцев», враждебно встретивший пролетарскую революцию и в 1922 г. ушедший в лагерь белой эмиграции. «В своих последних произведениях, — утверждалось в БСЭ, — возвращается к картинам прошлого, изображает смирение и патриархальность русского народа, впадая подчас в религиозный фанатизм и мистику <...>, постепенно утрачивая свое художественное мастерство» [17, с. 550].

Спустя почти четверть века, в новом издании БСЭ, об И. С. Шмелёве писали более корректно, но всё равно жестко. Да, теперь указывалось, что он родился «в купеческой семье», да, не забывалось, что первоначально он следовал принципам критического реализма. Но в дальнейшем (еще до революции) отошел от этих принципов, «обнаружил тяготение к натурализму». А эмигрировав после 1917 г., писал произведения, в которых «возникают идеи смирения и религиозные мотивы» [18, с. 121].

Про «белую эмиграцию» уже не говорилось, но и о публицистическом наследии И. С. Шмелёва также умалчивалось. Двадцать лет спустя, в третьем издании БСЭ, неназванный автор, правда, упоминал, что эмигрировав в 1922 г., писатель «публиковал антисоветские рассказы-памфлеты, книги, полные тоски по дореволюц[ионному] прошлому» [19, с. 442].

Понятие «антисоветские рассказы» можно было трактовать достаточно широко: при желании и шмелевское «Лето Господне» вполне подходило под определение «антисоветской литературы». Однако в данном случае следует отметить то, что обо всем комплексе публицистических произведений писателя на его родине предпочитали не говорить, хотя еще в 1967 г., когда в СССР торжественно отмечалась 50-я годовщина Октябрьской революции, в Париже был опубликован объемный «Сборник статей от 1924–1950 г.» И. С. Шмелёва, называвшийся «Душа Родины». В книгу вошли работы писателя (всего 60 статей), публиковавшиеся им в русской эмигрантской повременной печати, прежде всего в парижских «Возрождении» и «Русской газете». В первой было опубликовано почти 20 статей, во второй — 10. Автор публиковался также

в парижских «Русском инвалиде», «Последних новостях», «России и славянстве», «Добровольце» «Русской мысли»; в белградской «России»; в рижском «Сегодня», в берлинских «Руле» и «Русском Колоколе», в харбинском «Нашем пути». Публицистические работы И. С. Шмелёва были изданы Русским научным институтом при Русской Академической группе в Париже, заботами племянницы жены писателя Ю. А. Кутыриной, создавшей Музей писателя и сохранившей его литературное наследство [23].

В БСЭ конца 1970-х гг. об этой книге не говорилось по вполне понятным причинам: «популяризировать» идейного борца с большевизмом в Советском Союзе было бы странно. Странно было бы и вдаваться в объяснения шмелёвской неприязни к советской идеологии, которая шла вразрез с его представлениями о патриотизме и любви к Родине. Не случайно в России публицистика И. С. Шмелёва увидела свет только в самом конце XX в., в дополнительном (7-м) томе его собрания сочинений. Там было опубликовано уже 86 работ писателя, начиная с 1923 и заканчивая 1950 г. [36, с. 309–589].

В нашем случае, полагаю, важно прежде всего обратить внимание на сборник 1967 г. Не только потому, что он был первым, хотя и неполным, собранием эмигрантской публицистики писателя, но и потому, что его составитель (Ю. А. Кутырина) не преследовала цель показать его «политическое» лицо, стремясь донести до читателя основную идею И. С. Шмелёва о неоконченности пути, о бессмертии живых чувств и вечных мыслей, которые ведут и «приведут к извечной — заветной цели Великого Искусства Слова — к воплощению БОГА в жизни, к воплощению жизни в БОГЕ» [23, с. 4].

В этом смысле шмелёвская публицистика может и должна оцениваться скорее в религиозных категориях, чем в категориях идеологических, или, если угодно, должна оцениваться в религиозно-политическом ключе. Такой взгляд на работы писателя помогает лучше понять и причины категорического отторжения им «просоветских» настроений части эмиграции (например движения сменовеховцев). Для И. С. Шмелёва вопросы религиозного осмысления крестного пути России были много важнее и актуальнее вопросов «трансформации» большевистской России в некое «новое» образование. Не случайно и сборник назывался «Душа Родины» (по первой статье, его открывавшей).

И. С. Шмелёв прежде всего — писатель с обостренным религиозным чувством, слово «крест» для него самое значимое. «Мы берем Крест и мы понесем Его! И жизнь освятим Крестом. Души свои отдадим на Крест! Умеющие слушать да прислушаются к душе России!», — восклицал И. С. Шмелёв, как молитву повторяя слова: «Время идет, придет. Россия будет! Мы ее будем делать! Братски, во славу Христову делать!». Для него не составляло проблемы то, что, по мнению часто звучавших голосов «силы и молодой мощи: Россия станет Америкой!». Для И. С. Шмелёва то будет новая Америка «одухотворенной плоти». Иначе — смерть («где нет Бога — там будет Зверь»). Соответственно, и миссию России он видит на стезях поиска Бога Живого, в наполнении Богом всей жизни, в том, чтобы показать и Родине, и миру этого Бога [24, с. 15, 16, 17].

«Политическая футурология», особенно преподносимая в религиозном ключе, вполне может восприниматься как «наивные мечтания» идеалиста. Но если посмотреть на этот вопрос с другой стороны, можно увидеть нечто

похожее и в идеологических построениях большевистских лидеров, в начале 1920-х гг. продолжавших грезить о всемирной революции и создании на земле безрелигиозного коммунистического «рая». Они также пытались совершать свой «крестный подвиг», при этом отрицая «крест» и глумясь над прежними святынями.

Показательный пример. Для И. С. Шмелёва все те, кто пал и был умучен за Россию в годину революции и Гражданской войны, — герои, рыцари без страха и упрека, вспоминая о которых он видит «поля — снега, реки в разливах, жгучее солнце степи, горы леса... и их крученное железо, русское железо!», вспоминает «как оно закаливалось в сталь», которая «звонит, сверкает, бьет... и никогда не плачет», «никогда не мнетса» [30, с. 19].

Но и для его идейных врагов «закаливающаяся сталь» — тоже не пустые слова. Не случайно десять лет спустя, в 1934 г., в СССР был издан и стал широко распространяться роман Н. А. Островского «Как закалялась сталь», в котором изображались события Гражданской войны и первые послевоенные годы «социалистического строительства», рассматривавшиеся на фоне жизни и борьбы комсомольца Павла Корчагина — своеобразного «нового героя» «нового мира»: преданного делу партии большевиков, любящего социалистическую родину больше жизни, мужественного и морально чистого человека. Корчагин, как писали советские литературоведы сталинского времени, «не плод отвлечённой романтической мечты художника. Весь он — выражение реальных богатств, реальной действительности. Таким он существовал» [14, с. 191] (следует отметить, что одной из первых на образ «закаливающейся стали» у И. С. Шмелёва, появившийся в его публицистике задолго до появления романа Н. А. Островского, обратила внимание российская писательница и публицист С. Шешунова, см.: [16]).

Шмелёвская метафора прилагательно к «красному делу» была использована советским писателем, конечно же, не случайно. Идейные «белые», как и преданные своим идеалам «красные», были людьми «стальными», людьми «принципа». Для И. С. Шмелёва белые воины «прияли» Крест России, для них, как и для самого писателя, «красные» «вынимали душу» из «Венчанной Жены» — из России, почему с ними никакого договора быть не может. «Умученные и павшие» за Россию отдали себя в жертву, поправ своей смертью ее, России, смерть. «И — да воскреснет!» [30, с. 28, 29]. Он мечтал о грядущем воскресении, в то время как большевики неустанно твердили о развивающейся жизни, о «воскресшем» народе, строящем новый мир. «Самобытность» России И. С. Шмелёв видел в прошлом, уничтоженном и, задолго до 1917 г., охаянном русскими либерально настроенными интеллигентами. «Молодежи выкалывали глаз правый, а на левый надевали очки, большей частью розовые. Стряпали по облюбованному лекалу», — говорил И. С. Шмелёв, с горечью констатируя: «Хотели народу счастья. Не России счастья, а ее трудовому народу! Сузили Россию, глядели, прищулив глаз и проглядели ценнейшее, христианскую ее душу, ее высокую духовную культуру — в недрах ее! И поплатились страшно» [35, с. 35, 36].

Вот то главное, на что хочет обратить внимание писатель: в дореволюционной России те, кто хотел блага ее трудовому народу, «проглядели» христиан-

скую суть. Христоцентрический взгляд на прошлое и на будущее страны и ее народа — отличительная черта И. С. Шмелёва-публициста. Этим он отличался от тех, кто смотрел на Советскую Россию, надеясь на изменение ее «большевистского» бытия (прежде всего от сменовеховцев и их единомышленников). Отрицая тезис, гласивший, что русскому народу нужна определенная политическая «форма», он не устал повторять, что народу необходима жизнь как таковая. За большевизмом этой «жизни» он не признавал и в чудесное его перерождение — не верил. «Россия будет строиться и собираться», — утверждал И. С. Шмелёв, хотя строительство будет «под кнутьями». «Не под ремennыми кнутьями рабского застенка, не под ядовито-острыми кнутьями соблазна <...>, а под кнутьями жестокой необходимости». К сожалению, он не разъяснял, почему его «жесточкая необходимость» оправдана, а большевистская — нет. Для писателя было очевидно, что для наведения порядка нужна будет «крепкая рука», рождаемая и питаемая силой жизненным чутьем самого народа [34, с. 73, 77].

Это были наивные мечты эмигранта, ожидавшего «воскрешения» России в то время, когда в стране «победившего пролетариата» после смерти Ленина начинался новый виток борьбы за власть. Впрочем, предчувствие не обмануло писателя: «крепкая рука» в СССР вскоре появится, она расправится со старой «ленинской гвардией» и начнет строительство социализма с усиленной энергией, попутно возвращаясь к подзабытой имперской фразеологии. Но тогда, в 1924 г., обо всем этом можно было только догадываться. И. С. Шмелёв в тех условиях продолжал обличать и верить в чудо. Он обличал носителей «интернациональной» веры в отказе от многовековой человеческой морали и в замене всех заповедей одной — «всё можно». Он верил в «чудо Великого Воскресения» «изнасилованной» и «убитой» страны. Для него большевистский НЭП «дуется гнойниками, всё заражая собой, захватывая своей гангреной и самих деятелей “новой жизни”». Россия же в данных условиях жива только «потусторонней, посмертной жизнью», жива только «в сердцах и душах», «в тайниках народного сердца» [37, с. 115, 122].

«Посмертная жизнь» — яркая метафора, показывающая, насколько эмоционально жестко относился И. С. Шмелёв к советскому эксперименту. Путь «решительного социализма» он называл мертвым, а живой путь видел только в плоскости нахождения сущности, которая способствовала бы возрождению жизни на религиозной, высоконравственной основе, т. е. на евангельском учении деятельной Любви. По этому пути, как он надеялся, быть может, пойдет новое поколение России, которое, таким образом, получит возможность совершить подвиг великого созидания и стать как бы христианскими революционерами [33, с. 123, 126, 129].

О «путях» нам еще придется вспомнить, но прежде следует указать на одно принципиальное обстоятельство, отличавшее И. С. Шмелёва и его единомышленников от большинства как «просоветски», так и антисоветски настроенных деятелей русской эмиграции. Речь идет об отношении к отечественной интеллигенции, которую писатель в «веховском» духе обвинял в том, что она «не смогла создать крепкого национального ядра, к которому бы тянулось самое сильное, самое яркое по талантам изо всего русского, живого. Не было на-

ционально воспитанной, сильной русской интеллигенции», — констатировал И. С. Шмелёв, рассуждая о будущем России на десятом году существования советской власти [28, с. 182–183], которая для него была суть убийцы [26, с. 188].

Свое отношение к русской революции, беспощадное и бескомпромиссное, И. С. Шмелёв высказал в том же 1927 г., отвечая на вопросы анкеты, разосланной русским писателям и политическим деятелям. Анкета состояла из четырех вопросов, гласивших: «Чего стоило русскому народу десятилетие большевистского владычества?», «Почему большевизм мог просуществовать в России десять лет?», «Куда идет Советская Россия?» и «Каким образом и когда кончится господство большевизма в России?».

Отвечая на первый вопрос, И. С. Шмелёв специально подчеркнул, что «коммунисты изводили культурный российский корень», обрушив ненависть на культурнейший слой, что «большевизм погубил духовные силы поколений», «погубил рассадник духовной мощи» и «лишил русский народ величайших возможностей всечеловеческого масштаба». Большевизм признавался величайшей катастрофой мира. Переходя далее ко второму вопросу, И. С. Шмелёв заявлял, что, «потеряв свой культурный слой, Россия осталась без руководства», а «коммунисты, крепко спаянные идеологией и преступлениями, стали руководить народом». В настоящее время, полагал И. С. Шмелёв, «заменить захватчиков» некому. Но народ живет и ждет, а новые силы, которые обязательно проявят себя, — копятя. Однако дело было не только в истреблении культурного слоя. По мнению писателя, большевики сумели использовать страсти масс — «жажду материального поравнения» и «льстящий самообман», заявляющий о том, что народ — себе хозяин. Очнуться народу мешает система шпионажа и безграничного террора. При этом писатель верил в то, что народ уже начинает просыпаться и в конце концов проснется [8, с. 388–389].

Подобные ответы скорее свидетельствовали о вере И. С. Шмелёва, чем о его знании политической и морально-психологической ситуации в России. Точнее сказать, свидетельствовали о его уповании. Гораздо интереснее был ответ на третий вопрос, хотя и этот ответ начинался с «идеалистической» констатации: «когда большевизм падет, социализм и “советчина” останутся ненавистнейшими из всех политических систем». Но дальнейшее рассуждение не было лишено логики и, отчасти, здравого предвидения. И. С. Шмелёв полагал, что формой постбольшевистского государственного устройства России явится бонапартизм, личная диктатура («единовластие сильного или сильных»).

Если сильная личность — или группа — сумеет поднять в народе недостающее чувство национального, встряхнуть и зажечь народ доступными, близкими ему целями, она надолго удержится, и народ будет ее беречь. Всего вероятнее, что Россия пойдет по пути к «фашизму», национально организующему и охраняющему Державу. Русское молодое поколение будет искать новых идеалов, может быть очень элементарных, и главным идеалом явится для него — «наша Россия!» — в противоположность тому, чем недавно были отравлены — фальшивому интернационализму-губителю [8, с. 389–390].

Так вновь прозвучало слово «интернациональный» (первый раз, как упоминалось выше, писатель указывал на «интернациональную» веру боль-

шевиков, заместившую прежние религиозные заповеди). Указание на личную диктатуру, на бонапартизм, равно как и внимание к «фашизму», в начале 1920-х гг. проявившему себя в Италии, разумеется, случайным не было и быть не могло (тем более что и сам дуче, как известно, вышел из «социалистической шинели»).

И, наконец, отвечая на последний, четвертый вопрос анкеты, И. С. Шмелёв предполагал, что господство большевизма в России скорее всего кончится стихийным взрывом, который могут произвести русские люди, привыкшие командовать — в армии, в общественной или хозяйственной жизни, может быть и те, кто надел «личину коммуниста», но «в ком просыпается и начинает расти подавленное национальное сознание, кто даст себе труд окинуть великое прошлое и низкое настоящее России-родины». Он верил, что духовный подъем грядет, что он будет «невероятной мощности» и освободит скованные в России силы. «Так я чувствую свой народ, — резюмировал И. С. Шмелёв. — Я знаю его и верю, что иначе не может быть. Россия — будет!» [8, с. 390]

Обратим внимание на то, как в ответах И. С. Шмелёва расставлены акценты. Для него несомненно: путь к возрождению страны неминуемо лежит через единовластие, которое связывается им с «фашистским» путем (хотя само это слово он ставит в кавычки). Случайно ли это? Полагаю, что не случайно. Ведь итальянский фашизм, опыт строительства которого проходил на глазах И. С. Шмелёва и его современников, включал в себя элементы корпоративизма и антикоммунизма, сочетаясь, правда, с цензурой и воинствующей государственной пропагандой. Не следует также забывать и о том, что в 1920-е гг. в среде русской эмигрантской молодежи появилось и окрепло социал-монархическое движение, получившее наименование движения младороссов. В идеологии младороссов присутствовали элементы национализма, корпоративизма, антикоммунизма, православного фундаментализма (при этом расистами они не были). Младороссы пытались синтезировать консерватизм и революционность, мечтая о возрождении традиционной русской государственности на новом уровне. Они говорили о мировой «революции Духа», об идеократической самодержавной монархии. Примечательно, что, копируя итальянских фашистов, носивших черные рубашки, младороссы носили рубашки синего цвета, в приветствии вскидывая вверх правую руку с призывом в честь вождя: «Глава, Глава!» [2, с. 211–231; 5, с. 21–31; 7]

Всё это следует иметь в виду, дабы не ошибиться при использовании слова «фашист» и/или «фашизм», прилагательно к концу 1920-х гг. В этой связи показательно, что лидер «Союза младороссов» А. Л. Казем-Бек, уже в 1930-е гг. стал искать контактов с советскими дипломатическими представителями и даже организовал в Париже «круглые столы» антифашистской направленности, за что в 1940 г. подвергся аресту. Ему удалось бежать в США, а впоследствии (в 1957 г.) получить советское гражданство и вернуться в Россию (где до кончины он работал в ОВЦС Московской Патриархии). А. Л. Казем-Бек, младший современник И. С. Шмелёва, как видим, избрал иной, чем писатель, политический путь: «переболев» фашизмом, он преодолел антикоммунизм и сумел примириться с теми, против кого идейно боролся в 1920–1930-е гг. Но то было «личное преодоление». В нашем случае важнее обратить внимание

на то, что надежда на «вождя-победителя», «Бонапарта», в 1920-е гг. была исключительно сильна. Этой надеждой тогда жил и И. С. Шмелёв.

Надежда оказалась тщетной, по крайней мере чаемый писателем «Бонапарт» в России не появился, а фашизм в его немецкой — национал-социалистической — форме оказался человеконенавистнической идеологией и практикой. А само слово «фашизм» стало нарицательным, синонимом сознательно творимого зла. По этой причине, думается, шмелёвские ответы на «Анкету», впервые опубликованные газетой «Сегодня» 6 ноября 1927 г., парижские публикаторы не поместили в сборник «Душа Родины», изданный сорок лет спустя (ответы вновь издали только в дополнительном томе Собрания сочинений писателя, увидевшем свет в 1999 г.).

Но «бонапартизм» (в лице Сталина) всё-таки получил «политическое бытие» в Советской России. В 1927 г. это понимали немногие, спустя десятилетие — все внимательно следившие за развитием большевизма в СССР современники. Другое дело, кто и что вкладывал в это известное слово. Высланный в 1929 г. из страны Л. Д. Троцкий в 1936 г. публично обвинил И. В. Сталина в бонапартизме, назвав вождем термидорианской бюрократии. По определению Л. Д. Троцкого, «бонапартизм есть одно из политических орудий капиталистического режима в его критические периоды», а сталинизм — «разновидность той же системы, но на фундаменте рабочего государства, раздираемого антагонизмом между организованной и вооруженной советской аристократией и безоружными трудящимися массами». Советский бонапартизм, по Троцкому, своим возникновением обязан запоздалости мировой революции. «Но та же причина породила в капиталистических странах фашизм» [15, с. 230], — писал «падший ангел» Октябрьской революции, утверждая:

сталинизм и фашизм, несмотря на глубокое различие социальных основ, представляют собой симметричные явления. Многими чертами своими они убийственно похожи друг на друга. Победоносное революционное движение в Европе немедленно же потрясло бы не только фашизм, но и советский бонапартизм. Поворачиваясь спиной к международной революции, сталинская бюрократия по-своему права: она лишь повинуетя голосу самосохранения [15, с. 231].

Подобной «симметрии» И. С. Шмелёв не видел и, понятно, при своих взглядах на большевизм видеть не мог. Рассуждая о корнях русской революции, он заявлял, что у нее не было стихийно-непреодолимых причин, была лишь «вина людская». Он связывал Февраль и Октябрь в единую цепь, во многом справедливо называя большевизм следствием Февральской революции. Он полагал, что «фашизм и евразийство только симптомы и отклонения нарождающегося сознания поруганности и ущемленности» русского человека, что сознание это будет воспринято «широким народным кругом» и данное восприятие «послужит крепчайшей клейкой-цементом в создании будущей сильной и чистой России, которая захочет быть» [4, с. 191, 192].

К сожалению, он не писал о том, как «отклонения» (фашизм и евразийство) практически преодолеваются, ибо, полагаю, ответ на этот вопрос видел только в религиозном обновлении народа. Однако, как мы видели, он полагал, что избежать «фашизма» при строительстве новой России вряд ли

удастся. Пытаться уличать И. С. Шмелёва в непоследовательности, думается, было бы некорректно. Он не пытался выстроить «логическую схему», скорее рефлектируя по поводу русской революции, оцениваемой как вселенская трагедия, чем последовательно излагая этапы ее развития и возможности ее трансформации в условиях большевистской государственности 1920-х гг. Революция для него («то, что случилось с нами») — не исторический перелом, а пролом, за которым «уже Новая Россия, которая непременно будет». Писатель внушал себе, что «день Возврата» близится, хотя никто «срока» и не знает. «Истинные сыны» — Белые Воины, войдут в обетованную Россию со значком галлиполийца и «с нетленным знаком — кровью запечатленной любви к отечеству, обнаженной национальной чести и упорно творящей воли» [25, с. 195, 196].

Вера в то, что Россия будет возрождена творцами Белого Дела и их духовными наследниками, никогда не покидала И. С. Шмелёва, в 1920–1930-е гг. постоянно возвращавшегося к теме жертвы, принесенной борцами с большевизмом в Гражданскую войну. Он неоднократно писал об участниках Ледяного похода — походе Добровольческой армии на Кубань зимой–весной 1918 г., называя его вечным, «как вечный Дух, неугасающая сила человека, человека-света» [21, с. 207], вечным, «как бессмертная душа в людях, — негасимая лампада, теплящаяся Господним Светом» [32, с. 299]. Но, вспоминая о походе добровольцев, писатель скорее выступал не в качестве политического обличителя большевизма («идеолога», «общественного деятеля») или историка русской революции, не желавшего отказаться от своего одностороннего субъективизма. Следует согласиться с мнением отечественного литературоведа Е. А. Осьминой, указывавшей, что И. С. Шмелёв-публицист 1930-х гг. — прежде всего художник-критик. Художник, для которого важно говорить о душе Родины, о ее стремлении к Христовой правде. Е. А. Осьмина точно указала на основной тезис, отстаивавшийся писателем: «Для всей русской культуры, для русского просвещения — главный девиз, выбитый на университетской церкви св. Татьяны: “Свет Христов просвещает всех”» [9, с. 13, 14].

Другое дело — восприятие писателем того, что он называл Россией. Для России, по его убеждению, мира не было, а вместо нее, былой, признавались ее насильники. Он был непримирим в своем отношении к большевикам прежде всего потому, что не признавал их строителями, отказывался видеть в них творцов. Его Россию только предстояло восстановить. Это была задача, которую, как верил И. С. Шмелёв, разрешит новое поколение, «страданием поколений, крестами поколений». «В юных наших дойдем, найдем Россию. Не мы, так они найдут: мы — они» [29, с. 229]. Все его надежды связывались с этими «юными», с «родной молодежью», которой придется начинать русскую историю. «Советская история» для него, по сути, «аки не быша», частью общей истории России он её воспринимать отказывался. «Разьедающий коммунизм», как он полагал, лишь «оцарапал» народ, который обязательно «заживит царапины». И молодежь, воспитанная на идеалах России прошлого, должна установить духовную связь с народом, который обязательно «сбросит ярмо» [27, с. 240, 243]. Отсюда и постоянное напоминание (и самому себе, и своим единомышленникам): «Для России — надо сберечь детей» [22, с. 287].

Он постоянно говорит о своей вере в возрождение России, об уповании. Говорит так часто, что можно подумать: для него это было смыслом земного бытия, заставляло жить и творить. Смысл жизни заключался в надежде. Эта надежда, думается, и заставляла его негативно оценивать политику «возвращения» и лозунг «засыпания рва» между СССР и русской эмиграцией, провозглашенный А. В. Пешехоновым и Е. Д. Кусковой. При этом, как ни парадоксально покажется, И. С. Шмелёв не был «непримиримым». «Говоря о вине интеллигенции, ее ненациональности, попустительстве большевикам, атеизме, он скорее скорбел и сожалел, нежели громил и обличал» [9, с. 9]. У «левых» эмигрантов он противником не считался [9, с. 10].

Это — принципиальный момент, на который следует обратить самое пристальное внимание. И. С. Шмелёв, скорее, «певец русской скорби», нежели политик, борец и боец. Внимательные современники не могли не заметить этого. «Певец» далеко не всегда может быть последовательным аналитиком, но он не может, не в состоянии сменить собственный «репертуар», отказаться от того, что считал пронзительно-верным, единственно истинным. Иногда, впрочем, это приводит к трагическим недоразумениям. Такое «недоразумение» случилось и с И. С. Шмелёвым, в 1942 г. подписавшим вместе с некоторыми другими деятелями русской эмиграции (генералом Султаном Клыч Гиреем, генералами Н. А. Княжевичем и С. Л. Николаевым, адмиралом С. В. Евдокимовым, С. М. Казасом, С. Н. Абрикосовым, С. С. Дуваном) объявление о благодарственном молебне «по случаю освобождения Крыма от богоборческой советской власти с провозглашением вечной памяти всем воинам, павшим в борьбе с большевиками и всем жертвам большевистского террора» [13, с. 592–593].

После окончания войны, уже в мае 1947 г., об И. С. Шмелёве вспомнили: советское («московское») радио объявило эмигрантскую газету «Русская мысль», которая тогда же стала издаваться в Париже, фашистским органом, назвав — как сотрудников немцев — ряд писателей, в т. ч. И. С. Шмелёва [10, с. 560]. Писатель немедленно написал опровержение, подчеркнув: «фашистом я никогда не был и сочувствия фашизму не проявлял никогда», хотя и печатался в «Парижском Вестнике», издававшемся при немцах. «Я шёл на жертву, работая в такой газетке, — заявлял писатель. — Но что же делать? Хотя через вражеский орган “шептать” правду... поймут, вздохнут, хотя бы слабый лик России почувствуют» [31, с. 321, 323].

А в частном письме дочери Льва Толстого — А. Л. Толстой, написанном в августе 1948 г., И. С. Шмелев разъяснил и наличие своей подписи под объявлением 1942 г. Он вспомнил, что первоначально отказывался подписать это объявление, но в конце концов его, тогда болевшего, уговорили товарищи его сына, погибшего в Крыму. Писатель дал согласие на помещение своей подписи, а в дальнейшем пришел в храм, попутно заметив, что на том молебне ни слова не было сказано о «победе немцев». «Пусть рассудит меня авторитетная русская общественность, — мой читатель: родное моё, а не враги и приспешники их. Знаю: Россия — придёт срок! — меня оправит <так!>, Россия меня примет, — память обо мне и мой труд во Имя Ея», — утверждал И. С. Шмелёв, говоря: «совесть моя покойна». Он точно знал: перед Россией, перед своим читателем, перед русским человеком он ни в чём не погрешил [13, с. 589–590, 591, 592].

Однако его убеждение не могло поколебать мнения многих «соблазнившихся» успехами Красной армии, даже такого непримиримого противника большевизма, как И. А. Бунин. В начале 1948 г. в письме М. С. Цетлиной, вдове писателя М. О. Цетлина, касаясь газеты «Русская мысль», И. А. Бунин специально упоминал И. С. Шмелёва как участника «парижских молебнов о даровании победы Гитлеру...» [12, 554] Так И. С. Шмелёв оказался «заклеймен» позорным и несправедливым словом. Причем «клеймил» его человек, дружеские отношения с которым продолжались полвека! Стойкий антибольшевизм, нежелание признавать советскую Россию преемником России имперской, вера в чудесное воскресение новой России, ничего не имевшей общего с коммунистической властью, в итоге стоили И. С. Шмелёву очень дорого. «Мечтатель» должен был платить по политическим «счетам», к которым практически не имел никакого отношения.

Он не смог перебороть себя, точнее сказать, — перебороть в себе ненависть к тем, кого считал насильниками. Но при этом он оставался певцом любви к Родине, не имея сил и желания примириться с «новым миром». Его жизнь как публициста оказалась жизнью трагической, он не нашел в себе сил победить всепоглощающую неприязнь «к Советам». Однако именно этим И. С. Шмелёв-публицист и интересен, поскольку помогает лучше понять, кто и как противостоял просоветски настроенным деятелям русской эмиграции, видевшими то, что не мог и не хотел увидеть этот «художник обездоленных».

ЛИТЕРАТУРА

1. Блок А. Скифы // Блок А. Избр. произв. — Л.: Лениздат, 1980. — С. 526–528.
2. Граф Г. К. На службе Императорскому Дому России. 1917–1941: Воспоминания. — СПб.: Русско-Балтийский информационный центр БЛИЦ, 2004. — 688 с.
3. И. С. Шмелёв и О. А. Бредиус-Субботина: Роман в письмах: в 2 т. — М.: РОС-СПЭН, 2005. — Т. 2: 1942–1950. — 856 с.
4. И. С. Шмелёв о революции. Известный писатель (Франция) // Шмелёв Ив. Душа Родины. Сборник статей от 1924–1950 г. — Париж, 1967.
5. Косик В. И. «Молодая Россия» (К вопросу о русском фашизме) // Славяноведение. — 2000. — № 4. — С. 21–31.
6. Львов-Рогачевский В. Шмелёв, Иван Сергеевич // Энциклопедический словарь Русского Библиографического Института Гранат. — М., [1932]. — Т. 50. — Стб. 297–299.
7. Массип М. Истина — дочь времени. Александр Казем-Бек и русская эмиграция на Западе. — М.: Языки славянских культур, 2010. — 744 с.
8. <Ответ на анкету «Русские писатели и политические деятели о 10-летию Октябрьского переворота»> // Шмелёв Ив. Собр. соч.: в 5 т. — М.: Русская книга, 1999. — Т. 7 (доп.): Это было: Рассказы. Публицистика. — С. 388–390.
9. Осьминина Е. Как это было... // Шмелёв Ив. Собр. соч.: в 5 т. — М.: Русская книга, 1999. — Т. 7 (доп.): Это было: Рассказы. Публицистика. — С. 3–16.
10. Пасхальный свет на улице Дарю: Дневники Петра Евграфовича Ковалевского 1937–1948 годов. — Нижний Новгород: Христианская библиотека, 2014. — 704 с.
11. Переписка Тэффи с И. А. и В. Н. Буниными 1920–1939 // Диаспора. Новые материалы. — Париж; СПб.: Athenaem — Феникс, 2001. — Вып. I. — С. 348–421.

12. Переписка Тэффи с И. А. и В. Н. Буниными 1939–1948 // Диаспора. Новые материалы. — СПб.: Феникс, 2001. — Вып. II. — С. 477–584.
13. «Пусть рассудит меня авторитетная русская общественность...». Переписка И. С. Шмелёва и А. Л. Толстой // Диаспора. Новые материалы. — Париж; СПб.: Athenaeum — Феникс, 2002. — Вып. IV. — С. 584–613.
14. Трегуб С. Николай Алексеевич Островский (1904–1936). — М.: Молодая гвардия, 1950.
15. Троицкий Л. Преданная революция. — М.: НИИ культуры, 1991. — 256 с.
16. Шешунова С. Две гражданских войны Ивана Шмелёва // Бълое Дъло. Мемориально-просветительский и историко-культурный центр. — URL: <http://beloedelo.com/researches/article/?24#sdcndnote42sum> (дата обращения: 12.12.2020).
17. Шмелёв Иван Сергеевич // Большая Советская энциклопедия. — М.: ОГИЗ РСФСР, 1933. — Т. 62. — Стб. 550.
18. Шмелёв Иван Сергеевич // Большая Советская энциклопедия. 2-е изд. — М.: Большая Советская энциклопедия, 1957. — Т. 48. — С. 121.
19. Шмелёв Иван Сергеевич // Большая Советская энциклопедия. 3-е изд. — М.: Большая Советская энциклопедия, 1978. — Т. 29. — С. 442.
20. Шмелёв Иван Сергеевич // Энциклопедический словарь Русского Библиографического Института Гранат. — М., [Б. г.] — Т. 11. — Стб. 733.
21. Шмелёв И. С. Вечный завет // Шмелёв Ив. Душа Родины. Сборник статей от 1924–1950 г. — Париж: Russisches Wissenschaftliches Institut in Paris, 1967. — С. 204–207.
22. Шмелёв И. С. Для России // Шмелёв Ив. Душа Родины. Сборник статей от 1924–1950 г. — Париж: Russisches Wissenschaftliches Institut in Paris, 1967. — С. 287–290.
23. Шмелёв Ив. Душа Родины. Сборник статей от 1924–1950 г. — Париж: Russisches Wissenschaftliches Institut in Paris, 1967–344 с.
24. Шмелёв И. С. Душа Родины // Шмелёв Ив. Душа Родины. Сборник статей от 1924–1950 г. — Париж: Russisches Wissenschaftliches Institut in Paris, 1967. — С. 5–17.
25. Шмелёв И. С. Душа России // Шмелёв Ив. Душа Родины. Сборник статей от 1924–1950 г. — Париж: Russisches Wissenschaftliches Institut in Paris, 1967. — С. 193–196.
26. Шмелёв И. С. Защитнику русского офицера Конради — г-ну Оберу, как материал для дела // Шмелёв Ив. Душа Родины. Сборник статей от 1924–1950 г. — Париж: Russisches Wissenschaftliches Institut in Paris, 1967. — С. 184–188.
27. Шмелёв И. С. К родной молодёжи. II // Шмелёв Ив. Душа Родины. Сборник статей от 1924–1950 г. — Париж: Russisches Wissenschaftliches Institut in Paris, 1967. — С. 239–245.
28. Шмелёв И. С. Как нам быть? (Из писем о России) // Шмелёв Ив. Душа Родины. Сборник статей от 1924–1950 г. — Париж: Russisches Wissenschaftliches Institut in Paris, 1967. — С. 167–183.
29. Шмелёв И. С. Крест просвещения // Шмелёв Ив. Душа Родины. Сборник статей от 1924–1950 г. — Париж: Russisches Wissenschaftliches Institut in Paris, 1967. — С. 227–230.
30. Шмелёв И. С. Крестный подвиг // Душа Родины. Сборник статей от 1924–1950 г. — Париж: Russisches Wissenschaftliches Institut in Paris, 1967. С. 18–29.
31. Шмелёв И. С. Необходимый ответ // Шмелёв Ив. Душа Родины. Сборник статей от 1924–1950 г. — Париж: Russisches Wissenschaftliches Institut in Paris, 1967. — С. 321–324.
32. Шмелёв И. С. Подвиг // Шмелёв Ив. Душа Родины. Сборник статей от 1924–1950 г. Париж: Russisches Wissenschaftliches Institut in Paris, 1967. — С. 297–299.

33. Шмелёв И. С. Пути мёртвые и живые // Шмелёв Ив. Душа Родины. Сборник статей от 1924–1950 г. — Париж: Russisches Wissenschaftliches Institut in Paris, 1967. — С. 123–129.

34. Шмелёв И. С. Русское дело // Шмелёв Ив. Душа Родины. Сборник статей от 1924–1950 г. — Париж: Russisches Wissenschaftliches Institut in Paris, 1967. — С. 73–78.

35. Шмелёв И. С. Слово о «Татьяне» // Шмелёв Ив. Душа Родины. Сборник статей от 1924–1950 г. — Париж: Russisches Wissenschaftliches Institut in Paris, 1967. — С. 30–38.

36. Шмелёв Ив. Собр. соч.: в 5 т. — М.: Русская книга, 1999. — Т. 7 (доп.): Это было: Рассказы. Публицистика. — 592 с.

37. Шмелёв И. С. Убийство // Шмелёв Ив. Душа Родины. Сборник статей от 1924–1950 г. — Париж: Russisches Wissenschaftliches Institut in Paris, 1967. — С. 89–122.